

Сергеенко Алла Сергеевна

СУЩНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЗИЦИИ МОРАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Статья посвящена исследованию порядка соотношения и степени взаимодействия права и морали как основных социальных регуляторов в аспекте широко распространенной в современных философско-правовых работах позиции морализации права. Автор раскрывает содержание данного подхода, а также выявляет его существенные противоречия в вопросах влияния морали на процессы формирования и функционирования права.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 180-182. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101.1:316

Философские науки

Статья посвящена исследованию порядка соотношения и степени взаимодействия права и морали как основных социальных регуляторов в аспекте широко распространенной в современных философско-правовых работах позиции морализации права. Автор раскрывает содержание данного подхода, а также выявляет его существенные противоречия в вопросах влияния морали на процессы формирования и функционирования права.

Ключевые слова и фразы: мораль; сопереживание; право; общество; справедливость; социальная регуляция; морализация права.

Сергеенко Алла Сергеевна*Курганский государственный университет**sergeenkoas@mail.ru***СУЩНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЗИЦИИ МОРАЛИЗАЦИИ ПРАВА[©]**

Несмотря на то, что в настоящее время вопрос определения истинного порядка соотношения и основных принципов функционирования в рамках общества таких, на первый взгляд, схожих социальных регуляторов как право и мораль остается открытым, во многих философских и правовых исследованиях в той или иной форме присутствует точка зрения, согласно которой право зависимо от морали. Эту позицию мы называем морализацией права.

Перед тем, как обратиться к более подробному рассмотрению обозначенного подхода, остановимся на определении морали. Здесь, однако, мы сталкиваемся со значительной проблемой, а именно отсутствием универсальной дефиниции данного феномена. «Отсутствие рационально обоснованного понятия морали, – пишет А. А. Гусейнов, – одна из характерных особенностей нашего времени». Автор, утверждающий, что «большая часть современного этического мышления состоит из необоснованных утверждений, беспринципной казуистики и рефлексии», довольно точно описывает ситуацию [3]. В свою очередь, «столкновение противоположных морально-религиозных позиций, – добавляет В. А. Четвернин, – нормальная ситуация в культуре правового типа» [9, с. 15].

На наш взгляд, фундаментальной причиной столь неадекватной рефлексии морали выступают попытки ее крайней рационализации вопреки тому, что «мораль укоренена не в разуме, или, по крайней мере, не только в разуме» [3], а ее природа несводима исключительно к «разумной» рациональности и основана на собственном, глубоко отличном от разума, механизме человеческого поведения – сопереживании.

Указанная позиция находит свое подтверждение в философии Шопенгауэра, который, критикуя свойственную Канту абсолютизацию роли разума в вопросах морали, сводит ее сущность к бескорыстному стремлению индивида «...ни к чему иному, кроме как к тому, чтобы другой не потерпел ущерба или даже получил помощь, поддержку и облегчение» [11, с. 205]. Заметим, однако, что описанное Шопенгауэром безответное перед разумом и неподвластное опыту чувственно-эмоциональное сострадание не тождественно самой морали, предполагающей формирование «...человеческого индивида как свободного и ответственного нравственного субъекта» [10, с. 73], способного управлять своими эмоциональными импульсами, выводя мораль на уровень одного из наиболее важных типов социальной регуляции. В этом случае разуму отводится роль «подытоживания» и формулирования каких-либо устойчивых моральных норм (их систем) через призму выработанных в том или ином обществе ценностных абсолютов, их корректировка, а также моделирование последующих действий. Происходит формирование так называемого «нравственного размышления», от ошибок и колебаний которое уберегает находящееся в его основе сопереживание – «своего рода критерий истины нравственных размышлений» [Там же].

Мы солидаризируемся с основанной Шопенгауэром концепцией морали и понимаем под данным феноменом регулятор поведения людей, базирующийся на сопереживании и предполагающий способность самостоятельного выбора субъекта. При этом опыт сопереживания аккумулируется в культуре в форме ценностей, высшей из которых выступает добро, и норм, представляющих собой поведенческие стандарты, возникающие на основе соотнесения идеала добра с действительностью, прежде всего, социальной.

Итак, попытки морализации права были свойственны многим представителям философско-правовой мысли. В основном это относится к сторонникам теорий естественного права, в которых природный и нравственный порядок зачастую взаимосвязаны, а созданные людьми законы предполагают их соответствие «естественным» законам природы.

Платон в своей философско-этической концепции дает идеалистическое обоснование морали, которую возвышает над реальными индивидами и представляет как абстрактно-идеальную сущность последних. Определяя при этом государство как некий моральный абсолют, критерий истины и справедливости, Платон называет его единственно возможной нравственно организованной формой земного бытия, необходимым

условием движения к бытию идеальному. Знание моральных норм, таким образом, ставится Платоном во главу угла государственного управления, а роль законодательства приобретает второстепенное значение, поскольку «закон не может с точностью и полностью обнять превосходнейшее и справедливейшее, чтобы предписывать всем наилучшее» [5, с. 769].

Сходную позицию видим у Аристотеля, с точки зрения которого государственное законодательство – лишь необходимая для соблюдения моральных норм побудительная сила, равная по своей действенности силе необходимости. «Законодателям, – пишет Аристотель, – следует призывать и понуждать к добродетели во имя прекрасного, [понимая при этом], что прислушаются те, кто благодаря привычке уже продвинул в сторону добра, а на непослушных и людей сравнительно худой породы налагать наказания и возмездия...» [2, с. 97]. В случае же противоречия государственного законодательства природному, естественному праву как воплощению высшей справедливости оно теряет какую-либо моральную или юридическую силу и становится необязательным для исполнения.

Ключевая роль в формировании позиции морализации права принадлежит Аврелию Августину. Морализация права в философии мыслителя имеет место уже потому, что христианский Бог – прежде всего, Бог любви, понимаемой как сострадание и сопереживание.

Августин определяет Бога как высшее благо, воплощение добра, идеал истинности, разумности и гуманности. Следовательно, государство без Бога представляет собой ни что иное как государство без справедливости, сопереживания и нравственности в целом. «При отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки...» [1, с. 183]. Большое значение в функционировании государства Августин отводит праву как воплощению справедливости, замечая, что государство, отрицающее право, обречено на скорую гибель. Принимаемые же государственной властью законы должны быть подчинены божественным и естественным законам как высшим, вечным и нерушимым установлениям, быть справедливыми, а значит, моральными. Именно Августин первым ставит право в рамки христианской религии, а значит – морали.

Позиция морализации свойственна также Г. Еллинеку, определяющему право как систему норм, следование которым делает возможным столь продолжительное существование и развитие общества. Выступая с объективной стороны условием социального развития, в субъективном плане право определяется Еллинеком как некий этический минимум, «Existenzminimum» этических норм [4, с. 48]. «Жизненная деятельность, сообразная с этической нормой, – пишет Еллинек, – таково первое и принципиальное требование общественной морали» [Там же, с. 32]. Следствием такой социализации морали становится отрицание Еллинеком исключительно внутреннего характера нравственности и сугубо внешнего характера права, поскольку следование нормам права предполагает наличие определенного внутреннего мотива их соблюдения. Таким мотивом становится сформировавшаяся в данном обществе система моральных норм, внешним обрамлением которой, позволяющим обеспечивать ее сохранность и гарантировать действенность, становится право.

Позиция морализации Г. Еллинека находит свое продолжение в философии В. С. Соловьева, который, соглашаясь с доводами Шопенгауэра о внутренней взаимосвязи справедливости и сострадания, определяет право как некий «минимум добра», своеобразное средство воплощения в жизнь «нравственных принципов и целей» – его безусловного основания [7, т. 1, с. 446].

Разграничивая обозначенные феномены, Соловьев выделяет следующие черты права, отражающие его связь с добром и, в то же время, глубоко отличные от последнего. Во-первых, это ограниченность норм права «минимальным нравственным содержанием»; во-вторых, его обязательно-моральный характер [Там же, с. 529]; в-третьих, этико-практичное содержание [Там же, с. 389]; в-четвертых, принудительная сила в реализации минимального добра [Там же, с. 527]. Исходя из совокупности указанных признаков права, в концепции В. С. Соловьева право становится неким инструментом принудительной «...реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [6, с. 35].

Самой же знаменитой работой XX века, посвященной исследованию обозначенной нами проблематики, на сегодняшний день выступает «Мораль права» Л. Фуллера, в которой он также говорит о зависимости права от морали, однако наделяет мораль глубоко отличной от распространенных в большинстве социально-философских, этических и правовых направлениях сущностью.

Отходя от исключительно этического понимания морали, Фуллер заостряет свое внимание на ее форме и представляет мораль как совокупность принципов, определенных какой-либо целью, соблюдение которой обуславливает ее достижение.

В вопросе соотношения права и морали Л. Фуллер разделяет последнюю на «внутреннюю» (мораль долга) и «внешнюю» (мораль стремления). В общих чертах, «внутреннюю» мораль права Фуллер определяет через восемь базовых принципов, соответствие которым наделяет законодательную норму правовым содержанием и делает ее обязательной для исполнения. «Для утверждения, предполагающего то, что у человека может присутствовать моральная обязанность следовать норме права, которой не существует, или которая хранится в тайне от него, или которая была создана только после того, как он совершил какое-либо действие, или которую невозможно понять, или которая противоречила бы другой норме той же системы, или же предписывала невозможное, или менялась каждую минуту не может быть разумного обоснования» [8, с. 39]. «Внешняя мораль права», в свою очередь, включает в себя те общественные нравственные принципы, которые лежат в основе правовых институтов и обеспечивают их функционирование, не допуская произвола.

Это некая совокупность требований к участникам правовых отношений, позволяющая им как создавать соответствующие внутренней морали правовые нормы, так и благополучно следовать им.

Освещая вопрос обязательного соответствия права нормам морали, Фуллер отмечает, что полностью аморальная система правил перестает обладать статусом правовой системы и, не получив необходимой поддержки общества, не может существовать более или менее продолжительное время. Поэтому «... для практической действенности права, – пишет Фуллер, – первостепенное значение имеет определенный минимум приверженности правовой морали...» [Там же, с. 187], а значит его подчинение хоть и специфической, но морали.

Разумеется, ни одна из рассмотренных точек зрения не отождествляет в полной мере мораль и право. Однако все они проводят различие на инструментальном, а не на сущностном уровне, поэтому право и называется «минимумом» морали, то есть той же моралью, точнее – ее частью, особо важной и потому защищаемой силой государства. Коренной недостаток позиции морализации права заключается в отсутствии в ее рамках осознания фундаментального, сущностного различия рассматриваемых регуляторов, приводящего к следующим противоречиям:

1. Поскольку в основе морали лежит сопереживание, моральная регуляция действует только во взаимоотношениях тех людей, которые актуально или потенциально связаны сопереживанием. Как показывает Б. С. Шалютин, сопереживание существует между «своими» [10, с. 74]. С одной стороны, идентификация кого-либо как своего создает основу для сопереживания; с другой, ситуативно возникшее сопереживание превращает людей в «своих». Это значит, что мораль – регулятор, действующий в кругу «своих». Между тем, важнейшей и совершенно общепризнанной характеристикой права является его беспристрастность, одинаковая мерка, применяемая и к своим, и к чужим. Если бы в основе права лежала мораль, судья должен бы был минимизировать наказание своему и максимизировать чужому.

2. В системе права существуют институты, отрасли, другие огромные подсистемы, без которых развитое право представить нельзя, но которые связаны с моралью лишь в силу того, что согласно диалектике все со всем связано.

3. Субъектами права выступают не только люди, но и юридические лица, разумеется, лишённые таких важнейших и общепризнанных механизмов моральной регуляции как стыд и, особенно, совесть.

Таким образом, несмотря на свойственные данным регуляторам общие черты, право и мораль обладают кардинально различной сущностью, принципами и механизмами функционирования в социуме, а также специфической, независимой друг от друга природой. Придание же праву производного либо полностью зависящего от морали характера ввиду указанных различий представляется несостоятельным.

Список литературы

1. Августин А. О Граде Божием. М., 1994.
2. Аристотель. Никомахова этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997.
3. Гусейнов А. А. Мораль и разум [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000054/> (дата обращения: 18.01.2013).
4. Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910.
5. Платон. Политик // Платон. Сочинения: в 4-х т. М., 1994. Т. 4. С. 717-781.
6. Соловьев В. С. Право и нравственность. М.: АСТ, 2001.
7. Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. М., 1988.
8. Фуллер Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007.
9. Четвернин В. А. Проблемы теории права 2010 (для особо одаренных студентов) [Электронный ресурс]. URL: http://teoria-prava.hse.ru/files/library/problems_2010.pdf (дата обращения: 18.01.2013).
10. Шалютин Б. С. О некоторых основополагающих характеристиках моральной (сопереживательной) регуляции поведения // Вестник Курганского государственного университета. 2007. № 2 (10). С. 72-78.
11. Шопенгауэр А. Об основе морали // Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 205-206.

ESSENTIAL GROUNDS AND CONTRADICTIONS OF LAW MORALIZATION POSITION

Sergeenko Alla Sergeevna
Kurgan State University
sergeenkoas@mail.ru

The author researches the order of correlation and the degree of interaction between law and morality as the basic social regulators in the aspect of law moralization position, which is widespread in contemporary philosophical and legal works, reveals the content of this approach, and also determines its essential contradictions in the questions of morality influence on law formation and functioning.

Key words and phrases: morality; empathy; law; society; justice; social regulation; moralization of law.